

Варвара Жданова

Жар-птица Сервантеса

«Горацио

О день и ночь! Вот это чудеса!

Гамлет

Как к чудесам, вы к ним и отнеситесь.

Гораций, много в мире есть того,

Что вашей философии не снилось».

«Гамлет»

Гамлет говорит, что будет вести себя странно, он думает притвориться безумцем, но Горацио должен помалкивать, должен поклясться хранить молчание.

«В Горации мы признаем тип последователя, ученика в лучшем смысле этого слова», - пишет И.С. Тургенев в известной статье «Гамлет и Дон Кихот».

Термин «донкихотство» в статье Тургенева:

«... В донкихотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны».

«... Что выражает собою Дон Кихот? Веру прежде всего...

... Он верит, верит крепко и без оглядки». «Энтузиазм Дон Кихота».

Тургенев продумывает идею произведения и рисует зрительные образы, почерпнутые у Сервантеса. Дон Кихот в описании Тургенева:

«При одном воспоминании о нем возникает в воображении тощая, угловатая, горбоносая фигура, облеченная в карикатурные латы, вознесенная на чахлый остов жалкого коня, того бедного, вечно голодного и битого Россинанта, которому нельзя отказать в каком-то полузабавном, полутронутым участии. Дон Кихот смешон...».

О двух типах личности: «Гамлет» и «Дон Кихот».

«... Почти каждый из нас сбивается либо на Дон Кихота, либо на Гамлета».

«... Всякому лестно прослыть Гамлетом, никто бы не хотел заслужит прозвание Дон Кихота...».

Развивая мысль Тургенева: опасно пожелать обратиться в Гамлета, не дотягивая до этой роли по своему личностному потенциалу. Можно попробовать встать в позу возвышенного и трагического Гамлета, но на самом деле вы окажетесь только смешным Дон Кихотом, смело вступающим в бой с призраками.

Отметим чистоту формы романа «Дон Кихот».

Основному действию предшествует посвящение; пролог; стихотворения – хвалебные гимны в честь героев романа, сочиненные персонажами из книг (самим автором «Дон Кихота»). Все с оттенком пародии, иронического отстранения и гротескного преувеличения.

Автор называет Дон Кихота «хитроумным идалго». Подчеркивается его хитроумие, а не безумие. Но в чем его хитроумие?

Хитроумие сюжета, а не героя. Сложная мозаическая реальность в воображении Дон Кихота.

Насколько Дон Кихот соответствует внешнему и духовному облику царственно свободного рыцаря, настолько его Дульсинея Тобосская – в действительности грубая злая крестьянка соответствует высокому идеалу повелительницы рыцаря.

В «посвящении» автор «Дон Кихота» говорит о книгах «которые по своему благородству не унижаются до своекорыстного угождения черни». Иначе говоря, труд художника – и есть его награда. Вспоминая Пушкина (стихотворение «Поэту»): «Не требуя наград за подвиг благородный». Скромность и гордость художника.

Осмеяние псевдонауки в «прологе». Ироническое действо. Деланно простоватый автор «Дон Кихота» и его «ученые» собратья по перу. Русский читатель вспомнит здесь гоголевскую иронию.

«При этом они мастера по части соблюдения приличий: на одной странице изобразят вам беспутного повесу, а на другой преподнесут куцую повесть в христианском духе, до того трогательную, что читать ее или слушать – одно наслаждение и удовольствие. Все это отсутствует в моей книге, ибо нечего мне выносить на поля и не к чему делать примечания; более того: не имея понятия, каким авторам я следовал в этой книге, я не могу предпослать ей по заведенному обычаю хотя бы список имен в алфавитном порядке...».

Не только смешной, но и зловещий облик псевдонауки. «Другая» наука, едва ли, не чернокнижие - под личиной христианства.

«Это еще что, - они вам и священное писание процитируют! Право, можно подумать, что читаешь кого-нибудь вроде святого Фомы или же другого учителя церкви».

Чепуха, которая выдает себя за нечто значительное. Разговор мужа и жены в одной из новелл («Высокородная судомойка»):

« - Прислушаем стихи, - ответила жена, - а потом я вам скажу, в чем дело.

- Сомневаться не приходится, - заметил хозяин, - раз вы дока по этой части, вы сразу во всем разберетесь.

- Я, конечно, не дока, - ответила жена, - но вам отлично известно, что у меня острый ум и что я читаю по-латыни целых четыре молитвы.

- Лучше бы вы читали их по-испански; сколько раз говорил вам ваш дядя-священник, что, когда вы молитесь по-латыни, вы произносите тысячи несусветных глупостей».

Основное действие «Дон Кихота» прерывают несколько вставных новелл. Эти истории как будто разыграны парой актеров, правдоподобно подающих самые разные социальные характеристики.

В новелле («Лицензиат Видриера»):

«... Человек, ухаживающий за актрисой, ухаживает в ее лице сразу за многими дамами, а именно: за королевой, нимфой, богиней, судомойкой, пастушкой...».

Постоялый двор в «Дон Кихоте» - будто граница миров, разных измерений, будто стоит на пересечении жизненных дорог героев.

Вторая часть «Дон Кихота» - гибкий мягкий живой язык, светлый юмор. Во втором томе – как будто содержатся подготовительные материалы, запасы для повествования: наброски диалогов, образы, характеры. Чудная характеристика второстепенного персонажа:

«... Некий простой кавальеро, столичный житель; он полагался на свою молодость и молодечество, на многосторонние свои способности и дарования, на быстроту и тонкость мыслей, ибо надобно вам знать, ваши величия, если только мой рассказ вам еще не наскучил, что гитара у него в руках прямо так и разговаривала, да к тому же он был стихотворец, изрядный танцор и умел мастерить клетки для птиц...».

Характеристика Санчо Пансы в романе Сервантеса: «Это был человек добропорядочный», «однако ж мозги у него были сильно набекрень».

Чистая совесть и общественное мнение, злословие. Дон Кихот – Санчо Пансе: «Лишь бы у тебя совесть была чиста, а там пусть себе говорят, что хотят, пытаться же привязать языки сплетникам – это все равно что загородить поле воротами».

Герцог и герцогиня – насмешники, придумывают приключения для «странствующего рыцаря» и его оруженосца, принимая их у себя в замке. Делают Санчо губернатором. Потешный губернатор разбирает сложные тяжбы, к нему приходят с жалобами. Пародия на библейского мудреца царя Соломона. Издаёт указы, усовершенствуя течение жизни на «острове» (маленький город Санчо Панса принимает за остров).

Сервантес поднимает тему властей подлинных (герцог) и мнимых (Санчо).

«... Заговорщики же, дурачившие Санчо, собрались и стали между собой совещаться, как бы это им отправить отсюда самого губернатора...».

Указы Санчо Пансы в период его губернаторства. Социальная жизнь - в романе «Дон Кихот».

«... А губернатор провел этот день в принятии мер по улучшению государственного устройства во вверенной ему области, которую он принимал за остров...».

Он запретил спекуляцию продовольствием, разрешил ввоз вина («... с тою, однако же, оговоркою, что должно быть указываемо место его изготовления и что цена на него должна быть устанавливаема сообразно с его действительной стоимостью, качеством и маркою, тем же продавцам, которые будут уличены в разбавлении вина водою, а равно и в подделке ярлычков, губернатор положил смертную казнь...»), снизил цены на башмаки, установил фиксированную оплату труда прислуги, ввел строгие взыскания распевавшим непристойные песни, и другое.

«Одним словом, он ввел столько улучшений, что они до сего времени не утратили в том краю своей силы и донныне именуются «Законоположениями великого губернатора Санчо Пансы».

Уход Санчо с губернаторского поста. Возвращение к себе, обращение к собственной душе. Возвращается к ослику, целует его и плачет. Сам - упрямый осел.

«Я из рода Панса, а Панса, все до единого, упрямы, и если кто из нас сказал: «нечет», хотя бы на самом деле был чет, так, всему свету назло, и поставит на своем: нечет, да и только».

Душа Санчо Пансы раскрывается сейчас. Духовный потенциал Санчо и мнимая власть у него в руках.

«Я не рожден быть губернатором и защищать острова и города от вторжения вражеских полчищ. Я куда лучше умею пахать и копать землю, подрезывать и

отсаживать виноград, нежели издавать законы и оборонять провинции и королевства».

Росинант, если был бы человеком, был бы - как Дон Кихот, а серый ослик – как Санчо Панса.

На охоте «... Санчо вверх ногами висит на дубу, а подле него стоит серый, не захотевший покинуть его в беде». Тут, выдуманный Сервантесом первый биограф Дон Кихота, арабский историк Сид Ахмет Бен-инхали, замечает, что «вообще редко можно было видеть Санчо Пансу без серого, а серого без Санчо – так велики были их взаимная преданность и дружеская привязанность».

В романе упоминается о двух враждовавших селениях, собравших даже вооруженные отряды. На знамени одного «войска» изображен маленький ревуший ослик.

Автор Дон Кихота чтит серого Санчо Пансы и других осликов, животных, до сих пор не оцененных по достоинству, сообразно со своими внешними (чудными сказочными) и душевными качествами.

Отношения Дон Кихота и Санчо Пансы – это отношения снисходительного господина и слуги. Но, Сервантес, как представляется, закладывает в образную систему еще символическое иносказание, обратную символику. Дон Кихот – это, как будто – художник-фантазер, человек искусства, а Санчо Панса – его покровитель из власть имущих. Художнику, как бы говорит Сервантес, передавая эту мысль читателю через поколения, хотелось бы найти могущественного покровителя и свободно работать под его крылом, да разве найдешь такого?

Политик только издали кажется монументом, внушающим страх и почтение.

Как, если бы описанный Пушкиным в «Руслане и Людмиле» величественный князь Владимир Красное Солнышко, пирующий «в толпе могучих сыновей», оказался бы суетливым толстячком, у которого вообще не было детей.

Хрестоматийный эпизод: Дон Кихот бросается бороться с ветряными мельницами, которые он принимает за великанов. Через минуту он уже лежит на земле, отброшенный страшным ударом крыльев.

« - Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы?..

- Помолчи, друг Санчо, - сказал Дон Кихот. – Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств».

Ирония. Бесплезность борьбы Дон Кихота с неправдой. Какая неправда, где? Но когда-нибудь ветер переменится, все вокруг будет по-другому и станет смешно воевать на той стороне.

«Внемлите истине полезной», - говорит самоуверенный книгопродавец в пушкинском «Разговоре книгопродавца с поэтом». Истины Дон Кихота будто бы бесполезны. Пропасть между благими намерениями и реальным социальным контекстом.

Волшебное преобразование реальности в воображении Дон Кихота.

«... Увидев постоялый двор, он тут же вообразил, что перед ним замок с четырьмя башнями и блестящими серебряными шпилями, с неизменным подъемным мостом и глубоким рвом, - словом, со всеми принадлежностями, с какими подобные замки принято изображать».

Обольщение вымыслом.

«Дон Кихот совершенно уверился, что находится в некоем славном замке, что на пиру в его честь играет музыка, что треска – форель, что хлеб – из белоснежной муки, что непотребные девки – дамы, что хозяин постоялого двора - владелец замка».

Мнимый мир. Что скрывается за реальными декорациями, кто в действительности эти люди? Зачем они притворяются обывателями?

Оторванность Дон Кихота от друзей. Его друзья – цирюльник и священник остались дома, в родном селе. Мнимые товарищи Дон Кихота: странствующие рыцари, которых нет.

Оторванность от дома, странствия. Оставил не пустой дом. Ключница и племянница. Одухотворенность покинутого дома. Две любящие души, два преданных сердца.

Дон Кихот склонен подчиняться авторитетам, а авторитеты – ложные, подражание унижает Дон Кихота.

Односельчанин провожает до дома «странствующего рыцаря».

«Затем подобрал оружие, даже обломки копья, все это привязал к седлу Росинанта, взял и его и осла под уздцы и, погруженный в глубокое раздумье, пропуская мимо ушей то, что горючил Дон Кихот, зашагал по направлению к своему селу».

Добрый земледелец, нашедший избитого Дон Кихота – человек труда. Тема труда и безделья в романе. По большому счету, Дон Кихот – бездельник, как и те, с кем он борется.

«... Вышеупомянутый идалго в часы досуга, - а досуг длился у него чуть не весь год, - отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти забросил не только охоту, но даже свое хозяйство...».

Заносчивость Дон Кихота. Рыцарство и чернь. Но он не дотягивает до знати, знатные над ним смеются (в замке герцога).

Жизненная дорога Дон Кихота.

«Тут он приблизился к тому месту, где скрещивались четыре дороги, и воображению его тотчас представились странствующие рыцари, имевшие обыкновение останавливаться на распутье и размышлять о том, по какой дороге ехать; и в подражание им он тоже постоял, постоял, а затем, пораскинув умом, опустил поводья и всецело положился на Росинанта...».

Росинант в символическом контексте – будто «идеальный компьютер», которым пользуется художник, идеальное техническое обеспечение.

Из «Гамлета»:

«Полоний

Актеры приехали, милорд.

Гамлет

Неужто! Ах-ах-ах!

Полоний

Ей-Богу, милорд!

Гамлет

Прикатили на ослах...».

В романе Сервантеса осел – любимое, может быть, самое любимое, умное, преданное животное.

Как заметил еще Тургенев в своей статье, есть некоторые общие духовные черты в образах Дон Кихота и Гамлета. Упомянем в характерах обоих героев склонность к самопожертвованию в критических обстоятельствах, безрассудное стремление к подвигу, осознание несовершенства мироустройства, и еще, что они оба - бездельники, не занятые ничем, только своими высокими и туманными мыслями о том, о сем.

Гамлет одинок, читатель чувствует это. По иному воспринимается духовное одиночество Дон Кихота. Сервантес обрисовывает эту черту своего персонажа с ироническим гротеском и жизнелюбивым юмором. Одиночество Дон Кихота - в одном идейно-художественном пространстве с одиночеством Робинзона Крузо на острове, или Гулливера среди лилипутов.

Горацио – верный друг и спутник трагического безумца Гамлета, приглуповатый Санчо Панса сопровождает свихнувшегося «странствующего рыцаря».

Во втором томе есть эпизод встречи Дон Кихота с повозкой, в которой едут бродячие актеры. Они одеты в театральные костюмы (пестрая ветошь) и направляются в ближайшее село играть спектакль. Отметим идейно-художественную параллель по отношению к сцене встречи Гамлета с бродячей актерской труппой.

После встречи с актерами Дон Кихот беседует со своим оруженосцем, и этот диалог – социально-гротескная окрашенность скептических суждений напоминает о «Гамлете». Уместно будет еще вспомнить «Театральный разъезд после представления новой комедии» Н.В. Гоголя.

« - Скипетры и короны императоров лицедейных никогда не бывают из чистого золота, а либо из мишуры, либо из жести, - заметил Санчо Панса.

- Справедливо, - отозвался Дон Кихот, - театральным украшениям не подобает быть добротными, им надлежит быть воображаемыми и только кажущимися, как сама комедия, и все же мне бы хотелось, чтобы ты, Санчо, оценил и полюбил комедию, а следственно и тех, кто ее представляет, и тех, кто ее сочиняет, ибо все они суть орудия, приносящие государству великую пользу: они беспрестанно подставляют нам зеркало, в коем ярко отражаются деяния человеческие...».

В первый раз выехав из дома, в своих карикатурных латах, Дон Кихот на постоялом дворе, который он принимает за очарованный замок, готовится к «посвящению в рыцари».

«Дон Кихот... взяв копье и щит; с крайне независимым видом стал ходить взад и вперед; и только он начал прогуливаться, как наступила ночь. /.../

Дело было глухою ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспеченного рыцаря хорошо видны были зрителям».

Сходным образом в «Гамлете» описывается явление тени короля-отца в глухую ненастную ночь.

«Донкихотство» - как бесполезное усилие, бездумное продолжение борьбы, когда игра проиграна окончательно и бесповоротно. Тогда воображаемые обстоятельства противоположны реальным сложным социо-культурным условиям.

Когда игра проиграна, начинается политическое прожектерство. То, что за карточным столом называлось «хорошая мина при плохой игре».

«Белая гвардия» М.А. Булгакова. Вдохновенное вранье Шервинского о близкой победе над большевиками. Ни на чем не основанные надежды.

« - ... Когда же Москва была бы занята, гетман торжественно положил бы Украину к стопам Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича.

После этого сообщения в столовой наступило гробовое молчание. Николка горестно побелел.

- Император убит, - прошептал он».

Но Шервинский вразрез со здравым смыслом продолжает импровизировать:

« - После того как император Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он сказал: «Теперь я с вами прощаюсь, господа, а о дальнейшем с вами будет говорить...» Портьера раздвинулась, и в зал вошел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет момент, я лично стану во главе армии и поведу ее в сердце России – в Москву», - и прослезился».

Отметим параллели в творчестве Н.В. Гоголя по отношению к «Дон Кихоту» Сервантеса.

Племянница Дон Кихота фантастическим образом, приплетая чародея верхом на драконе, объясняет дяде пропажу его любимых книг о рыцарях. Сказочная фантастика Сервантеса и гоголевская гротескная фантасмагория, сходство сатирико-юмористических изобразительных приемов.

Тема вкусной еды.

«Странствующий рыцарь» и его оруженосец видят, что готовится пир на свадьбе богатого крестьянина. Диалог Санчо Пансы и повара:

«... - Слезай с осла, поищи половник, вылови курочку-другую, да и кушай себе на здоровье.

- Я нигде не вижу половника, - объявил Санчо.

- Погоди, - сказал повар. – Горе мне с тобой, экий ты, знать, ломака и нескладеха!

С последним словом он схватил кастрюлю, окунул ее в бочку, выловил трех кур и двух гусей и сказал Санчо:

- Кушай, приятель, подзаправься пока до обеда этими пеночками.

- Мне некуда их положить, - возразил Санчо.

- Так возьми с собой и кастрюльку, - сказал повар...».

О том, как автор (Сервантес) обнаружил рукопись «История Дон Кихота Ламанчского, написанная Сидом Ахметом Бен-инхали, историком арабским».

«Однажды, идя в Толедо по улице Алькана, я обратил внимание на одного мальчугана, продававшего торговцу шелком тетради и старую бумагу, а как я большой охотник до чтения и читаю все подряд...» То, «побуждаемый врожденною этою склонностию», автор взял в руки тетрадь, потом купил и все бумаги, вроде бы никому не нужные, но, как оказалось, содержащие целое развернутое повествование.

Начало гоголевской повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Жизнеописание Ивана Федоровича Шпоньки – якобы произведение Степана Ивановича Курочки, подобно тому, как биографию Дон Кихота написал Бен-инхали.

«С этой историей случилась история; нам рассказывал ее приезжавший из Гадяча Степан Иванович Курочка... /.../

... Нарочно просил его списать ее в тетрадку. Ну, дай бог ему здоровья, человек он был всегда добрый для меня, взял и списал».

Часть рукописи утеряна.

«Старуха моя, с которой живу уже лет тридцать вместе, грамоте сроду не училась; нечего и греха таить. Вот замечаю я, что она пирожки печет на какой-то бумаге. Пирожки, она, любезные читатели, удивительно хорошо печет; лучших пирожков вы нигде не будете есть. Посмотрел как-то на сподку

пирожка, смотрю: писанные слова. Как будто сердце у меня знало, прихожу к столику – тетрадки и половины нет!»

Проезжая через Гадяч, автор забыл расспросить Степана Ивановича Курочку.

«Впрочем, если кто желает непременно знать, о чем говорится далее в этой повести, то ему стоит только нарочно приехать в Гадяч и попросить Степана Ивановича. Он с большим удовольствием расскажет ее, хоть, пожалуй, снова от начала до конца. Живет он недалеко возле каменной церкви...».

Потасовка на постоялом дворе, который Дон Кихот, по своему обыкновению принимает за очарованный замок (Глава XVI). Стражник кричит: «Именем правосудия!», и все застывают на своих местах.

Композиционное совпадение – финал гоголевского «Ревизора», когда является настоящий могущественный ревизор, и все в страхе остаются в тех позах, в которых их застает ужасное известие.

Хозяин постоялого двора в «Дон Кихоте» - стяжатель, плут, между тем, гордится, что он «христианин», человек образованный, читатель книг:

«Кто бы не посмеялся бредням обоих – господина и слуги? Все и засмеялись, кроме хозяина, который сулил им черта».

Гоголевский Чичиков с его бытовой обстоятельностью, страстью к наживе, сохраняет интерес к «высокому»: листает какие-то романы, заглядывается на губернаторскую дочку, прячет в шкатулку театральную афишу и трогательное любовное письмо неизвестной дамы.

«Брунс представил себе большого коричневого гуся с шипящей жирной кожей и, не в силах сдержать себя, завопил:

- Мусик!!! Готов гусик?! /.../

Он собрался было продолжать вызовы гусика, которые он безуспешно вел уже два часа, но неожиданный шорох заставил его обернуться».

И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

Появляется отец Федор, мечтающий купить стулья у инженера Брунса.

Отец Федор теряет голову, настигая ускользящий призрак богатства. Типичное «донкихотство», как бы говорят авторы советского сатирического романа: человек ушедшего времени, безумец, потерявший себя в новой стране.

« - С вашей стороны это нехорошо, товарищ Бендер, - сказал Ипполит Матвеевич, с дрожью шевеля зелеными усами».

Пара Бендер и Воробьянинов – как трансформация и смешение типов Санчо Пансы и Дон Кихота. Воробьянинов – человек старого времени. Подобно тому, как нелепы «рыцарские» доспехи Дон Кихота, смешон и Воробьянинов, даже в интерьерах советского «Старгорода», не говоря уже о «красной» Москве. Он сам – как антикварная вещь, которую можно разыскать по описи.

Бендер – как резвый и нагловатый слуга, ставший господином, подчинивший себе хозяина, обращавшегося с ним дружески.

Булгаковские «демоны» Коровьев и Бегемот в «Мастере и Маргарите» - также отдаленная пародийная трансформация черт Дон Кихота и Санчо Пансы.

«Задолго до семейной драмы Лоханкиных летчик Севрюгов, к несчастью своему проживавший в квартире номер три, вылетел по срочной командировке Осовиахима за Полярный круг. Весь мир, волнуясь, следил за полетом Севрюгова».

Важное идейно-художественное звено повествования в «Золотом теленке». Обратим внимание на ритмический строй процитированного отрывка. Как будто, начало классического рассказа. Сравним:

«Некто Ивлев ехал однажды в начале июня в дальний край своего уезда.

Тарантас с кривым пыльным верхом дал ему шурин, в имени которого он проводил лето».

И.А. Бунин «Грамматика любви»

Летчик Севрюгов, как странствующий рыцарь. Романтический писатель Габриэль д'Аннунцио – его идеальный двойник. Идеальное «донкихотство» - мечта о подвиге. Как бы орден странствующих рыцарей (существующий в воображении Дон Кихота), выручающих друг друга.

«В беседе с представителями печати Габриэль д'Аннунцио заявил, что только что закончил новый роман и сейчас же вылетает на поиски отважного русского».

«Назидательные новеллы» Сервантеса, подобно второй части «Дон Кихота» - своеобразный «склад» «пружин действия», характеров, костюмов, содержащихся в художественном беспорядке.

Общий механизм действия: влюбленные – юные и прекрасные; любящие почтенные родители; разлучающие обстоятельства; социальная градация - неравный брак; милостивые и всезнающие власти; еще какая-нибудь добрая душа совершает благодеяние; жестокий поединок; воссоединение сердец.

Добрая душа в новеллах («Лицензиат Видриера»). Один монах «с удивительным искусством и ловкостью учивший немых говорить и понимать чужую речь и излечивавший людей от сумасшествия, сжалился над несчастным и, приступив к делу, успешно и полностью достиг своей цели, вернув бедняге прежнюю силу суждения, разум и связность мыслей. Убедившись в выздоровлении Видриеры, монах велел ему надеть платье юриста и возвратиться в столицу, дабы проявить там свой ум в таком же блеске, в каком он прежде проявлял свое безумие, заняться своим делом и стяжать себе этим славу».

Женские образы Сервантеса. Невеста, любовница, влюбленная девица («Сеньора Корнелия», «Высокородная судомойка», «Две девицы», «Английская испанка» и др.). Прекрасная, величественная и милостивая женщина-королева. Так Корнелия («Сеньора Корнелия») – чудно красива, светски образована. Ее любовь к герцогу, ребенок от него.

Подобный тип женщины обрисован Л.Н. Толстым в «Войне и мире» - роскошно прекрасная (но злая и туповатая) Элен.

Будучи замужем за Пьером, Элен в раздумье: выйти ли ей за старого вельможу или – за молодого принца (оба они – иностранцы). Она просит совета

дипломата Билибина. Тот советует выйти за вельможу, а овдовев (знатная вдова), вступить в брак с принцем. Элен в восторге.

Холодно-расчетливая Элен желает перейти в католичество.

Элен – сатирическая зарисовка женского типа, и все же Элен неотразимо привлекательна.

Елена Турбина в «Белой гвардии» - попытка Булгакова облагородить и возвысить прообраз (толстовскую Элен).

Дульсинея Тобосская притягательно прекрасна и отталкивающе безобразна. Она прекрасна в поэтическом представлении Дон Кихота. Воочию он видит безобразную Дульсинею – крестьянку. Дульсинея безобразна, потому что заколдована (так думает Дон Кихот).

Образ героя-любownika в «Назидательных новеллах» - влюбленный юноша, юноша, охваченный страстью. Знатный, богатый и учтивый – как бы пьедестал, на котором он стоит, возвышаясь над другими. Личностные черты его несколько стерты.

Красота и молодость. В силу молодости, похож на девушку, но не женоподобен.

Идеальная героиня Сервантеса благоразумна, спокойна и тверда, как мужчина, но не мужеподобна. Дульсинея в образе крестьянки смахивает на грубого парня, но ведь она заколдована.

Дон Кихот – не красив и не молод. Это, как будто, юнец, внезапно постаревший, не успевший набраться жизненного опыта, растерявший юношескую красоту, но требующий любви высшей пробы. Не дотягивает до героя-любownika: юного, знатного, богатого, это хорошо знает автор, поэтому и позволяет себе злую иронию над «странствующим рыцарем».

Одежда. Из новеллы «Английская испанка»:

«... Одели ее... на испанский лад – в светло-зеленое платье с шлейфом и с прорезами, в которые была вставлена дорогая парча; прорезы были вышиты узорами из жемчуга, а кроме того, все платье было тоже украшено

драгоценнейшими жемчужинами; ожерелье и пояс были из бриллиантов; ей дали и веер, согласно моде, принятой у испанских дам. Головным убором Исабеле служили собственные волосы, пышные, белокурые и длинные; они были усеяны и оплетены бриллиантами и жемчугом. В этом богатом наряде, стройная и удивительно красивая, Исабела появилась в тот день в изящной карете на улицах Лондона».

Красивый наряд, возвышая душу, является частью духовного мира персонажей Сервантеса.

Шляпа с пышными перьями, расшитая драгоценными камнями – самая важная часть мужского наряда.

Из новеллы «Цыганочка»:

«... Увидели они статного юношу в богатом дорожном платье. Шпага его и кинжал блестели, словно червонное золото; шляпа с дорогим убором была украшена перьями разных цветов».

В новелле «Ревнивый эстремадурец» жених «в годах» заказывает множество красивых платьев своей невесте, стараясь пробудить ее любовь (но маленькая Леонора только удивляется):

«... А было их так много и все они были такие богатые, что родители сочли превеликим счастьем, что на благо себе и своей дочери встретили такого знатного зятя.

Девочка была страшно поражена при виде великого множества нарядов, ибо за всю ее жизнь все ее наряды не шли дальше суконной юбки и корсажа из тафты».

Развитие действия «Назидательных новелл» несколько механистично.

Начало новеллы «Высокородная судомойка»: двое мальчиков-товарищей под опекой дядьки отправлены в университет. Шалопаи продали старьевщику дворянское платье и шпаги, убежали бродяжить по дорогам.

Отметим художественную параллель с пушкинской «Капитанской дочкой» - беспутство Гринева, выехавшего из дома с Савельичем. Гринев выпивает с

офицером в трактире, потом проигрывается в карты. Вскоре – встреча Гринева с разбойником Пугачевым на постоялом дворе... Ожидая пугачевцев, Машу Миронову переодевают в крестьянский сарафан...

В эпизоде новеллы «Английская испанка» английская королева требует к себе прекрасную Исабелу – испанку, удочеренную англичанами. Если снова вспомнить «Капитанскую дочку» - императрица Екатерина посылает за Машей Мироновой. Сходство художественно-эмоционального построения эпизодов.

Из новеллы «Ревнивый эстремадурец»:

« - Да, пою я недурно, - ответил негр, - только какой в том прок, если я не знаю других песен, кроме «Звездочки Венеры», «На лужок зеленый» да еще одной, которая теперь в моде, на слова «Ухватясь шальной рукою за чугунную решетку».

В новелле «Ревнивый эстремадурец» старый муж, охраняя честь юной красавицы жены, устроил из дома крепость. Он нанял послушных (но, как оказалось, алчных и глупых) служанок и привратника – дурака-негра. Этот негр так любил музыку, что впустил в дом первого повесу, притворившегося безобидным уличным музыкантом.

Отметим яркость социального бытописания в новелле: общественная обстановка, нравы.

В форме иронического иносказания в новелле говорится о том, как некто предпринимает попытку защитить душу от агрессии общества, создав свой огороженный мир.

Эффектный финал, лирическая грустная нота. Обрыв мысли, конец действия.

«Мне неясны, однако причины, по которым Леонора не проявила достаточного упорства в своих объяснениях и не уяснила до конца своему ревнивому мужу, в какой мере она была чиста и невинна перед ним во всем этом событии; но от волнения язык перестал ей повиноваться, а короткий срок, в который скончался старик, не оставил ей времени для оправданий».

Начало романа о Дон Кихоте:

«В некоем селе ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке».

Как будто «сказка сказывается», даже, едва ли – не русская сказка.

Вспомним начало «Конька-Горбушка» Ершова: старик живет в селе «За горами, за лесами / За широкими морями». В «Дон Кихоте» временами вместе с социальной сатирой, философской иронией ощущается аура сказочности, хотя бы в «теме» осликов, как любимых животных.

Конек-Горбунок похож на ослика.

Ростом только в три вершка,

На спине с двумя горбами

Да с аршинными ушами.

Дон Кихот, подобно герою сказки, мечтает о волшебном преобразении действительности. Мир мгновенно изменится, озарится новым светом, лишь только настанет опасный и желанный миг удачи.

... Тут лежит перо Жар-птицы,

Но для счастья своего

Не бери себе его.

Много, много непокою

Принесет оно с собою.

Дон Кихот – о книге про него самого, сочиненной предприимчивым графоманом:

«...От вещей же непристойных и безобразных должно отвращать помыслы, а тем паче взоры».

Фантазии Дон Кихота, реальность его воображения и реальность его любимых книг о странствующих рыцарях:

«На эти нелепости он нагромождал другие, точь-в-точь как в его любимых романах, стараясь при этом по мере возможности подражать их слогу...».

Глава VI «О тщательнейшем и забавном осмотре, который священник и цирюльник произвели в книгохранилище хитроумного нашего идальго».

Цирюльник и священник осматривают библиотеку Дон Кихота, собираясь сжечь завлекательные рыцарские романы, расстроившие воображение их товарища. Похоже на пародию критического обзора, вроде пространныго фельетона.

Духовный мир Дон Кихота. Отдался книгам, а книги – пустые, ложные, уводящие в сторону от действительно доброй жизни и добрых дел.

Псевдокультура. Книги, возможно, написанные дурными людьми с дурными намерениями. Отдал сердце заведомо пустому делу, став посмешищем.

«Зловредные книги», - говорит о них священник и, не иначе, в этом суждении – доля истины. «Хитросплетенная чертовщина».

«В ту же ночь стараниями ключницы были сожжены дотла все книги: и те, что валялись на дворе, и те, что еще оставались в комнате: по всей вероятности, вместе с ними сгорели и такие, которые надобно было сдать на вечное хранение в архив».

Дон Кихот пошел взглянуть на любимые книги, а их уже нет.

«Ключницу же научили, как должно отвечать.

- О каком таком книгохранилище вы говорите, ваша милость? – в свою очередь спросила она. – Нет у нас теперь ни книг, ни хранилища, все унес дьявол.

- Вовсе не дьявол, а волшебник, - возразила племянница. – После того, как вы от нас уехали, ваша милость, на следующую ночь он прилетел сюда на облаке, спрыгнул с дракона, на котором сидел верхом, и проник в книгохранилище. Не знаю, что он там делал, только немного погодя, гляжу, вылетает через крышу, а в комнатах полно дыму. Пошли мы посмотреть, что он натворил, а уж ни книг, ни комнаты нет и в помине».

Примечание. Статья «Жар-птица Сервантеса» вошла в сборник В. Ждановой «Кукольный дом», опубликованный LAP Lambert Academic Publishing.

